

A decorative border of stylized flowers and leaves in shades of gray, framing the top and sides of the page. The flowers are of various sizes and styles, some resembling hibiscus or similar large-petaled blooms.

Евгения
Степова

ЧИТАЙТЕ КНИГИ ЕВГЕНИИ ПЕРОВОЙ:

Я все равно тебя дождусь!
Другая женщина
Друг детства
Созданные для любви
Потому что люблю тебя
Индийское лето
Ловушка для бабочек
Нет рецепта для любви
Только ты одна
Все у нас получится!
Мужчины, которых мы выбираем

Круги по воде:
Книга первая «К другому берегу»
Книга вторая «Против течения»
Книга третья «Омуты и отмели»
Книга четвертая «Темные воды»

Евгения Перова
ИНДЕЙСКОЕ ЛЕТО

Москва
2022

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44
П27

Редактор серии В. Горюнова

Художественное оформление серии Г. Ганжи

В оформлении обложки использована фотография:
© Zolotarevs / Shutterstock.com и иллюстрация:
© Loric / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

Перова, Евгения Георгиевна.

П27 Индейское лето : сборник / Евгения Перова. —
Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-155031-8

Она протянула ему ладонь – Леонид взял ее как-то странно, двумя руками, и легонько потряс, потом поцеловал. Они посмотрели друг другу в глаза – обоим вдруг стало ясно, что все не так просто: не зря они разговоры разговаривают, не зря смущаются. Леня и Леля... Мягкое, ласковое «л», навязчиво повторяющееся в именах, сплетающее их между собой в замысловатый узор, казалась Леле знаком судьбы...

В сборник Евгении Перовой вошло семь новелл, в которых, как и в новелле «Царь Леонид», герои пытаются найти формулу любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос-Рус)6-44

© Перова Е., текст, 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-155031-8

ЦАРЬ ЛЕОНИД

Положи меня, как печать,
на сердце твое,
как перстень, на руку твою...

Песнь Песней царя Соломона

Мне всегда трудно дается первая фраза. Она появляется не сразу — прячется за частоколом образов, теряется в паутине слов, и часто, только подойдя к концу повествования, я нахожу ту первую, единственную и неповторимую. А ведь это очень важно — первое слово! Первый вздох, первый шаг, первый взгляд...

Точно так же, только дописав текст до конца, я понимаю, о чем он.

Хотя, наверно, лукавлю: ведь все, что я пишу, об одном — о Любви.

Так как же мне начать эту историю?

Может быть, так: «Алла Львовна умерла в понедельник...»

Нет, мрачно.

А может быть, просто сначала: с первого взгляда и первого слова?

С полуслова...

...а потом появился Царь Леонид — так прозвала его острая на язык Маруся, соседка и подруга Аллы Львовны. Лёля и раньше его встречала: пару раз он приходил к Алле Львовне с женой — шумной и громогласной Сонечкой, Софьей Сергеевной. Она преподавала литературу в школе, обо всем говорила резко и безапелляционно, а Леонид только морщился и лишь иногда тихонько ей бормотал:

— Ну что ты такое говоришь, Сонечка...

— Я знаю, что говорю!

Лёля видела — ему неудобно. Леонид ей нравился — высокий, крупный, слегка похожий на Шаляпина, он носил очки и курил трубку, что очень ему шло. Преподавал на филфаке МГУ, знал несколько языков, много читал, и Лёля как-то раз поспорила с ним о романе Лилиан Войнич «Овод», который он называл «саDISTСКОЙ книгой», а Лёля возмущалась. Однажды Леонид пришел один, без Сонечки, и случайно оказался за столом рядом с Лёлей. Они вдруг заговорили о Вирджинии Вулф — Лёля никак не могла достать прошлогодний номер «Иностранки», где была опубликована ее «Миссис Дэллоуэй», а Леонид читал этот роман по-английски. Оба увлеклись и проговорили весь вечер. «Какой он милый! — думала Лёля, потихоньку разглядывая Леонида. — Царь, конечно, но Царь сказочный, игрушечный — плюшевый такой, уютный! И кажется, что не очень уверен в себе...» А Леонид вдруг замолчал, снял очки и, протирая привычным движением стекла, сказал:

— Зря вы мне это позволяете...

— Что позволяю?!

— Говорить. Я же заговорю вас насмерть!

Они ушли вместе и всю дорогу разговаривали, и никак не могли расстаться, все провожали друг друга: то Леонид Лёлю до подъезда, то Лёля его до метро. Наконец, в очередной раз дойдя до крыльца, Лёля сказала:

— А пойдёте ко мне! Что мы все ходим туда-сюда? Я вас кофе угошу! Готовлю я плохо, но кофе делаю хороший!

Леонид снял очки — Лёля уже заметила: он так делал всегда, смущаясь, — и тихо произнес:

— Боюсь, что уже поздно... Жена, наверно, волнуется.

Лёля страшно покраснела — она только сейчас сообразила, как двусмысленно прозвучало ее приглашение: какой ужас, теперь он бог весть что о ней подумает...

— Да-да, конечно, я не сообразила... Ну, прощайте!

Она протянула ему ладонь — Леонид взял ее как-то странно, двумя руками, и легонько потряс, потом поцеловал. Они посмотрели друг другу в глаза — обоим вдруг стало ясно, что все не так просто: не зря они разговоры разговаривают, не зря ходят туда-сюда и никак не могут расстаться, не зря смущаются. В эту ночь Лёля долго маялась без сна — все перебирала в памяти сказанные слова, взгляды, улыбки. И улыбалась сама: Лёня и Лёля — это же нарочно не придумаешь! Лёня и Лёля, Леонид и Елена, Леонид Павлович и Елена Михайловна, Леонид Павлович Полторацкий и Елена Михайловна Лебедева... Эта невольная аллитерация — мягкое, ласковое «л», навязчиво повторяющееся в име-

нах, сплетающее их между собой лиловой синелькой, — казалась Лёле знаком судьбы. И встретились у Аллы Львовны!

Он позвонил через три дня, позвал на выставку, потом Лёля его пригласила в театр, так это и тянулось до самой зимы — встречались, бродили по Москве, пили кофе в Филипповской булочной на улице Горького, кормили воробьев на бульварах. А на зимних каникулах все и случилось: они праздновали Рождество у Аллы Львовны, потом долго гуляли под медленно падающим снегом, а когда прощались у дверей, Леонид ее поцеловал, она ответила, привстав на цыпочки, и поцелуй получился таким серьезным, что после него надо было либо сразу расставаться, либо... Они попытались сделать вид, что ничего такого не произошло, и Леонид пошел было к метро, а Лёля вошла в подъезд, ощущая неимоверную печаль — физически ощущая, как тяжкий груз на плечах, но не успела закрыть дверь лифта, как Лёня вернулся. Они целовались в лифте, целовались перед дверью квартиры, которую она с трудом открыла, целовались в коридорчике... А потом ничего не вышло. Совсем.

— Да, не гожусь я, видно, в героини-любовники...

— Лёничка, ну что ты! Просто мы оба переволновались! И я плохо старалась, наверно. У меня очень давно ничего такого не было...

Он хмыкнул:

— Знаешь, у меня тоже. Наверно, мне лучше уйти...

— А ты не можешь остаться?

— Вообще-то могу.

— А как же?

— Она с классом в Ленинград уехала и детей взяла. Так что остаться могу, да что толку...

— Не уходи, пожалуйста! Давай просто полежим рядышком. Обними меня...

Он вздохнул — и остался на ночь. Горела елочная гирлянда, лениво мигали разноцветные лампочки, поблескивали стеклянные шары и серебряная мишура, а старый Дед Мороз улыбался им из-под еловой лапы — елка была живая.

— Мне нравится, как ты пахнешь! — сказала Лёля и потерлась носом о его плечо.

— Табаком...

— А мне нравится! Давно ты трубку куришь?

— Давно, лет... лет пятнадцать уже. У меня борода была под папу Хэма и вот — трубка.

— И свитер был? Грубой вязки? Вылитый Хемингуэй! А почему ты бороду сбрил?

— Старый стал. Борода седая.

— Ты не старый совсем, что ты!

Он опять вздохнул:

— Зря мы, Еленочка, все это затеяли, я думаю. Видишь, и не получилось ничего...

— Лёня, да я же не претендую ни на что! Из семьи тебя уводить я же не собираюсь... Просто... так одиноко...

— Да.

— А дети твои на кого похожи?

— Сын — на меня, дочка — на Сонечку. А у тебя... Ты была замужем?

— Я? — Лёля вдруг рассмеялась. — Была! Представлешь, я забыла! Полтора года продержалась, потом

надоело. Да и не надо было выходить. А через год встретились с ним случайно на улице, поздоровались на ходу, и я долго вспоминала — кто это, где я его видела? Представляешь? А ведь полтора года прожили! Как не бывало...

— А детей не было?

— Не было. И не будет. Никчемное я существо.

— Ну что ты!

— Да что ж, это правда. Скоро сорок, детей нет, толку нет...

— Больше не стала замуж выходить?

— Нет. Ты знаешь, я как-то всегда про себя знала, что не гожусь для этого...

— Почему?!

— Не знаю. Я и за... Господи, как же его? Толя! За Толю вышла вслед за сестрой — они с Глебом, папиным аспирантом, поженились, вроде и мне надо! Она мне Толю и сосватала: такой, говорит, перспективный! Перспективный...

— А потом?

— А потом... Потом любовь у меня была. Была, да уехала. В Израиль. Он считал, что я его предала, а мне казалось — он меня...

— Грустно как...

— Да уж. Ты знаешь, мы с ним даже внешне похожи были — он роста небольшого, лохматый. Ты говоришь, у меня волосы, как дым, а у него пламя было, черное пламя, такие волосы. Глеб говорил: этот, твой — дыбом волоса! Не знаю, поженились бы мы с ним, нет. Но ехать я не могла, никак. Что мне там делать?! И тут — Леру бы

подвела, зятя. Антошка, племянник, совсем еще маленький был, цеплялся за меня: «Нёня, Нёня!» Из Леры плохая мать получилась. Не знаю, может, и правда, я Сашку мало любила...

— А он?

— Он-то? Он взял и женился.

— Как женился?!

— Так. Вывез кого-то с собой.

— Что, фиктивный брак?

— Кто его знает. Я так оскорбилась...

Лёля даже не хотела его провожать, но в последний момент все-таки решила поехать в аэропорт. Ничего хорошего из этого не вышло: все были пьяны, Сашка валял дурака, эта женщина, его жена — откуда он ее взял?! — плакала. Прощаясь, тревожно заглянул ей в глаза, поцеловал, хотел что-то сказать... Махнул рукой и ушел. Навсегда. А Лёля, добравшись до Москвы, целый день каталась на троллейбусе по Садовому — шел дождь, стекла запотели, она рисовала пальцем на стекле сердце, пронзенное стрелой, а в голове крутились какие-то стихотворные строчки: «И разомкнется... Упрямых рук твоих кольцо... Усталых рук твоих кольцо... И разомкнется усталых рук твоих кольцо... В кольце Садовом отразится мое печальное лицо...»

Приехала домой, вошла, разделась — Антошка болел ангиной, и Лера просила побыть с ним: ей нужно на какую-то важную встречу, а Лёля забыла. Прошла в комнату — Лера говорила по телефону, стоя спиной к двери, и не заметила, а Лёля с недоумением услышала, как сестра медовым голосом поет в трубку:

— Ну прости, прости, Генчик, я скоро буду! Сестра опаздывает, поганка! Что я могу поделывать!

Генчик?! Лера повернулась, увидела сестру, вспыхнула, быстро завершила разговор, оделась и выскользнула за дверь. К любовнику! Это было так ясно, словно Лера сама об этом сказала, и Лёле стало жалко зятя. Они давно уже жили как кошка с собакой, особенно отношения обострились после того, как Леру выбрали комсоргом и она ловко выжила из отдела Инессу Матвеевну, старейшую сотрудницу — а Глеб, ее ученик, узнал и устроил страшный скандал, после которого они не разговаривали почти полгода. И вот теперь! Лёля пошла к Антошке — несчастный, с замотанным горлом, с торчащими вихрами, он сидел в кровати и смотрел на нее красными глазами: опять плакал! Лёля обняла его, поцеловала:

— Ну, что такое? Горлышко болит? Солнышко мое...

Так они и жили. Потом, довольно скоро, Лера устроила ее в жилищный кооператив, даже оплатила первый взнос — только молчи, так поняла это Лёля. Она и молчала. Сначала скучала по Антошке, потом привыкла...

— Лёничка, а ты почему женился? На Соне?

— Ты знаешь, она такая хорошенькая была, звонкая, живая, я как-то и не заметил, что... Да нет, она не дура! Просто... такая... прямолинейная, что ли. Правильная слишком. И пионерского задору в ней много. А так она хорошая, детей любит, школу свою обожает. Во, завучем недавно назначили...

— А ты... ты изменял ей?

— Было пару раз. Она как дочку родила — совсем... совсем успокоилась. Все на детей ушло, на работу.

— А ты заброшенный...

— Да уж, сирота.

— Вот видишь. И что такого, если мы чуть-чуть согреем друг друга? Поддержим? Разве плохо?

— Поддерживать друг друга? — он грустно усмехнулся. — Немного солнца в холодной воде...

— Ты тоже любишь Франсуазу Саган?! Я так зачитывалась! И — надо же! — она в девятнадцать лет свою «Грусть» написала, в девятнадцать! А я... Ты знаешь, я еще в детстве говорила, что буду писательницей! Маленькая, только читать научилась, а туда же. Сидела в коридоре на сундуке — большой такой сундук, малиновым сукном накрытый, сукно колючее, а я сижу, ногами болтаю и мечтаю: стану писательницей!

— Косички у тебя были?

— Нет, лысая! Я болела много, вот и подстригли под нулевку. Это потом уже кудри такие выросли. Лера, сестра, завидовала ужасно — ей накручиваться приходилось, а мне не надо. А я ей завидовала...

— Да, волосы у тебя красивые!

— Мелким бесом, как няня говорила.

— В тебе что-то есть такое, знаешь... библейское! Маленькая Рахиль... или Суламифь...

— Да нет, вряд ли что-то библейское. Откуда ему взяться-то? Все предки деревенские — Рязань, Тверь. Если только татарское... Я на маму похожа, она такая же была. Лера на папу, а я на маму. Маленькими мы с сестрой были как близнецы, хотя и пять лет разницы, а потом поменялись.

— Так что ты про Франсуазу Саган-то?

— А! Я завидовала ей — просто ужасно! Я ведь всю жизнь что-то пишу, но... такое беспомощное, мне кажется. Может, ты бы почитал? Ой нет, не надо! Вдруг не понравится, а мне тогда лечь да помереть! Я ведь дневники веду бесконечные, письма писать обожаю... Для меня писать — как дышать! И что?! Ни-че-го! А она! В девятнадцать лет — и такой роман! А у меня как будто кипит что-то внутри, а выхода нет, понимаешь? Один пар... Что? Что ты... на меня... так смотришь?

А Леонид любовался: полуголая, едва прикрытая простыней, она с воодушевлением рассуждала о литературе, размахивая руками — волосы развеваются, глаза горят, щеки пылают, грудь трепещет, — в радужном свете елочных огоньков она казалась каким-то сказочным существом... Черт возьми!

— Ты думаешь, что я... что ты... ах!

Он прервал ее поцелуем, и все наконец получилось. И очень даже впечатляюще. Потом это у них так и называлось — «поговорить о Франсуазе Саган».

Когда уходил утром — оглянулся: Лёля стояла у окна. Помахали друг другу, и Леонид пошел к метро. За ночь навалило снегу, дорожки не успели расчистить, он шел по целине, оступаясь, и казался Лёле сверху — с высоты пятого этажа — Амундсенем, пробивающимся к Южному полюсу. А у Леонида было чувство, что он уносит Лёлю с собой, как котенка за пазухой, но чем больше он удалялся от Лёлиного дома, тем быстрее таяло это ощущение, и он вдруг вспомнил нелюбимого Евтушенко: «С душой, как с девочкой больной в руках, пустевших постепенно»...

Сонечка была его второй женой. Первая... как же ее звали?! Не хуже Лёли, Леонид забыл имя: Майя? Нонна? Лариса? Рано поженились, еще студентами, сразу поняли, что погорячились, но если бы не Римма... Господи, конечно же, Римма! И как он мог позабыть! Если бы не Римма, он никогда бы сам, первый, не рискнул разорвать брак. Была в нем какая-то инерционность — попав в колею, он никогда не мог из нее выбраться. А может, это простая лень? Суетиться — митуситься, как говорила бабка, — он не умел.

Было потом два романа — даже не романа, а так, нечто невразумительное: короткая связь с лаборанткой на кафедре — к счастью, она быстро уволилась и пропала из его жизни, после чего Полторацкий вздохнул с облегчением; и более серьезные «отношения» с молодой преподавательницей с соседней кафедры, Ириной Евгеньевой. Она вообще была чрезвычайно серьезна: обожала выяснять эти самые «отношения», мучила его походами в консерваторию — Леонид честно пытался вникать, но быстро засыпал под всяких Малеров и Линдеманов. Слуха у него не было никакого. Потом появился доцент Сергеенко, «отношения» осложнились еще больше — теперь их приходилось выяснять еще и с доцентом! Леонид не знал, как дать понять Ирине Евгеньевне, что с радостью готов отпустить ее на все четыре стороны — хоть к Сергеенко, хоть к кому! Как-то это все развязалось: Ирина Евгеньевна совершенно неожиданно вышла замуж за поляка и уехала в Варшаву, а доцент приходил к Полторацкому плакаться в жилетку...

После этого Леонид долго был один, не очень этим и тяготясь, пока не появилась аспирантка Сонечка —

он выздоравливал от воспаления легких, Софья пришла к нему домой на консультацию, огляделась по сторонам, потом, засучив рукава модной трикотажной кофточки — она называлась «лапша», и как он это помнит! — моментально сварила суп и вымыла полы. Кандидатскую она так и не защитила — родился Витя, до того ли было! Потом появилась Галочка, потом Софья устроилась в школу — как раз Витя пошел в первый класс, так что она присматривала за ним и в школе. Витя был копией отца — такой же спокойный и отрешенный, «вещь в себе», как называла его Софья. Он все переживал сам, не жалуясь никогда ни на что, хотя Леонид подозревал, что ему приходилось в школе несладко — а как же, сын учительницы! Витя преуспевал в математике и физике, а гуманитарные предметы ему не давались никак, к огромному огорчению матери: литература — это основание, на котором строится гармоничная личность! А Полторацкий с некоторым даже трепетом думал, как, каким образом преподносит она бедным детям русскую классику?! А ведь университет окончила! Галя училась хорошо, лучше брата, но все время скандалила с матерью — дети обожали отца и тяготились материнским бесконечным командованием: я знаю, что говорю!

— Ну почему, почему она такая?! — кричала Галочка, потрясая кулачком. — Папа, она ничего, ничего не понимает, ничего!

Лёня пытался как-то защищать Соню перед детьми, да ему и на самом деле было ее жалко: она так искренне уверена в собственной правоте, так наивно верила во все советские идеалы, не допуская даже мысли о каких-то

других жизненных ценностях; так энергично насаждала «разумное, доброе, вечное» — как она любила все эти штампы! — что учащиеся ее недолюбливали и побаивались, о чем она и не подозревала. Ей казалось — все ее любят.

Лёня не раз с горечью спрашивал себя, как его уго-раздило на ней жениться: ничего общего не было у них, ничего! Как-как! Плыл по течению, как всегда. Поначалу он еще разговаривал с ней, просвещал — тоже «сеял разумное и вечное», но бесполезно. Соня слушала, кивала, поддакивала и не слышала ничего, занятая собственными мыслями, а стоило ему замолчать, как она заводила свое, школьное, учительское: все она кого-то обличала, все расследовала какие-то интриги и происки.

— Школа — это же передовая линия идеологического фронта!

— Боже мой, Соня, ну что ты говоришь...

— Я знаю, что говорю.

Когда умер Брежнев, она плакала — и тоже совершенно искренне. Тогда они страшно поругались — Леонид кричал: что ты оплакиваешь этого бровеносца в потемках! А Соня испуганно спрашивала: что же теперь будет со страной, Лёня?! Софья с энтузиазмом восприняла свое назначение завучем, а Галя — с ужасом: ей и так было нелегко существовать между одноклассниками и матерью.

— Папа, ты знаешь, как они ее называют?! Эсэс! Софья Сергеевна — Эс-Эс!

Галя плакала, а у Леонида сжималось сердце: бедная, бедная Галя! Бедная Соня... Они давно уже не спали вместе, но Соня была абсолютно уверена, что у них замеча-

тельный брак, крепкий и надежный, «ячейка коммунистического общества», и Полторацкий просто не представлял, что с ней будет, если она вдруг узнает о Лёле! Правда, про два небольших приключения на стороне, бывших до Лёли, она так никогда и не узнала. Это действительно были маленькие приключения, не имевшие никаких последствий — после Ирины Евгеньевны Полторацкий очень боялся еще раз вляпаться в «отношения»: одно приключение случилось в Ленинграде во время командировки, и женщину эту — филолога из Томского университета — он больше никогда в жизни не видел. С другой — аспиранткой-психологиней — он познакомился в библиотеке: они встречались изредка на протяжении нескольких месяцев, потом разбежались и, случайно попадаясь друг другу на глаза в университете, делали вид, что незнакомы — она была замужем за деканом.

Но Лёля... Им так редко доводилось видеться — хорошо, если раз в две недели. Полторацкий, чувствуя себя персонажем «Осеннего марафона», выдумывал несуществующие заседания кафедры, конференции, мифические семинары — счастье, что Соня не вникала и верила всему. Но чем дольше тянулась эта связь, тем чаще он ловил себя на мечтах о Лёле — нечаянно задумывался посреди лекции, под перешептывания студентов, или во время воскресного обеда, машинально кивая на Сонины бесконечные: «Нет, ты представляешь?!» — у нее шла затяжная война с преподавателем истории, которого она подозревала в скрытом диссидентстве.

— Что тут смешного? — восклицала Соня, а он вздрагивал, приходя в себя и убирая с лица рассеян-

ную улыбку: перед глазами стояли смуглая Лёлина спина с цепочкой позвонков и длинная шея с поднятыми вверх пышными волосами, которые она, скрутив жгутом, придерживала рукой. Волосы у нее были темные, но с намеком на рыжину — как будто там, под волосами, светились раскаленные угли, давая красноватый отблеск. Глаза зеленовато-карие, миндалевидные, с такими черными ресницами, что ей и не надо было их красить. Прямой нос, изящно очерченные губы, смуглая кожа, маленькие руки, тонкие запястья и шиколотки — в Лёле действительно чувствовался какой-то Восток: ей шли длинные серьги, кольца и звенящие браслеты. Суламифь, маленькая Рахиль...

А Лёля, сидя дома с книгой, вдруг поднимала голову и улыбалась, глядя на телефон: через пару секунд раздавался звонок — Леонид звонил с какой-нибудь ерундой, просто чтобы услышать ее голос. «Только с тобой я — это я», — сказала она как-то, и Леонид чувствовал то же самое. Каждый раз, когда Лёля продолжала, подхватывая на лету его мысль, Полторацкий поражался этому чуду взаимного понимания:

— Знаешь, Зинаида Гиппиус говорила: если надо объяснить — не надо объяснять! Парадоксально, но верно, правда? Человек либо понимает тебя, либо нет...

— Да, и не объяснишь ничего никогда.

В один промозглый осенний вечер Леонид позвонил и сказал, что никак не может прийти, хотя обещал. «Никак не получается, ты не обидишься?»

— Нет-нет, что ты! — воскликнула Лёля. — Все в порядке, не расстраивайся, в другой раз придешь — как

сможешь, так и придешь. Нет-нет, я не буду унывать, что ты. Целую.

Она повесила трубку и заплакала. Слезы сами лились из глаз, она шмыгала носом, долго искала носовой платок, потом пошла в ванную и там еще поплакала, уткнувшись в полотенце, и на кухне поплакала, роняя слезы в чашку с чаем, и никак не могла утешиться, а потом раздался звонок в дверь и все-таки пришел Лёня! Увидев ее зареванное лицо, он сказал:

— Я так и знал.

Они обнялись и долго стояли в коридоре. В этот вечер они почти не разговаривали — а что скажешь? Ничего не скажешь, и так все понятно. Они оба знали цену слову, знали его материальную силу, и пока не было произнесено вслух то, что пряталось в самой глубине души и оживало при первом же взгляде и прикосновении, еще можно было делать вид: ничего особенного, а что такого? Мы просто знакомы... так странно... Самым дорогим, самым важным было это первое объятие в коридоре после долгой разлуки — чистое счастье, которое тут же начинало идти на убыль вместе с тиканьем часов: Леонид больше ни разу не оставался у Лёли на ночь. В этот день, сидя на постели и застегивая пуговицы на рубашке, Лёня печально сказал:

— Может быть... все-таки... мне развестись?..

Хотя совершенно не представлял, как он войдет и скажет: Соня, я развожусь с тобой! Даже страшно было подумать, что будет с ней, с детьми! Лёля обняла его:

— Ты же не сможешь... Ты будешь мучиться... И я...

Потом снова заплакала, уткнувшись ему в шею: